

СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ*

Посвящено истории и современности сибирского казачества. Используя междисциплинарный подход (отечественная история, этнография, этносоциология, культурология, музееведение, этническая психология, лингвистика, фольклористика), автор характеризует основные черты традиционно-бытовой культуры сибирских казаков начала XX в. и современные противоречивые представления о казачестве начала XXI в., выявляет сложности изучения казачьей проблематики.

Ключевые слова: сибирское казачество; междисциплинарный подход; история и современность; традиционно-бытовая культура; этнические стереотипы.

SIBERIAN COSSACKS: TRADITIONAL CULTURE AND MODERN STEREOTYPES

This work is devoted to history and the modern time of the Siberian Cossacks. The author uses cross-disciplinary approach (national history, ethnography, ethnosociology, cultural science, museology, ethnic psychology, linguistics, folklore studies), provides the main characteristics of traditional culture of the Siberian Cossacks of the beginning of the 20th century, considers modern ethnic stereotypes of the Cossacks of the beginning of the 21st century, reveals difficulties of studying of the Cossacks.

Keywords: Siberian Cossacks; cross-disciplinary approach; history and modern time; traditional and household culture; ethnic stereotypes.

Казачество является бесспорным российским феноменом, который А. И. Солженицын называл «исторической драгоценностью России». Оно всегда занимало особое место в отечественной истории, а его возрождение в конце XX – начале XXI в. явилось ярким примером проявления современных трансформаций российского общества, формирования его гражданских институтов. В представленной работе мы охарактеризуем основные черты традиционно-бытовой культуры сибирского казачества начала XX в. и рассмотрим противоречивые представления о казаках начала XXI в. Академик Ю. В. Бромлей полагал, что «понятие традиционно-бытовой культуры соответствует тому, что обычно называют народной культу-

рой. Именно в традиционной части повседневной бытовой культуры обычно сосредоточена основная этническая специфика этносов-народов...» [1, с. 10–11]. В современном обществе традиционная культура выполняет множество различных функций, в том числе и этническую, включающую совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств.

При написании работы автором использован междисциплинарный подход с применением методов и данных следующих научных дисциплин: отечественная история, этнография, этносоциология, культурология, музееведение, этническая психология, лингвистика, фольклористика. Исследование базируется на этнографических и этносоциологических

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии», проект № 14-50-00036.

материалах, собранных в 1982–2016 гг. на территории Западной Сибири и Северного Казахстана экспедициями Омского государственного университета, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, а также лично автором. В качестве дополнительных источников использовались архивные, статистические и фольклорные материалы, научные публикации, музейные коллекции (государственные, общественные и частные), юридические акты, словари, фотографии.

В начале XX в. в России насчитывалось 11 казачьих войск (Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское, Уссурийское) и два приравненных к ним конных полка (Иркутский и Енисейский), численность населения в которых составляла более 9 млн человек [2, с. 13]. В общественном сознании россиян казаки были окружены ореолом идеального устройства мира, служили своеобразным эталоном, образцом воинского рыцарства, а также высоко оценивались русскими критиками и писателями [3, с. 3–4]. Их образы занимали значительное место в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и К. Ф. Рылеева, П. П. Ершова и С. Т. Аксакова, В. И. Даля и Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова и Л. Н. Гумилёва. В тюркских языках слово «казак» переводится как «вольный человек». Но сибирские казаки, по словам Г. Е. Катанаева, отличались от других тем, что никогда не были «вольными», а всегда исключительно «служилыми» [4, с. 1]. Начальной точкой в формировании сибирского казачества считаются 1580-е гг., связанные с походами Ермака. В Западной Сибири легендарный атаман дошёл до Усть-Шиша, расположенного на севере современного Знаменского района Омской области. Лингвисты свидетельствуют, что в языках народов Сибири слово «казак» часто приобретало значение «русский», так как первые русские пришельцы зачастую и были казаками [5, с. 233]. Интересно, что во Франции в 1907 г. вышел словарь, в котором в статье «Русский» приводился следующий афоризм: «Поскребите русского – и вы обнаружите казака, поскребите казака – и вы обнаружите медведя» [6]. Исследователь северных просторов России

конца XIX – начала XX в. И. Завалишин так характеризовал в 1909 г. сибирских казаков: «Они талантливы, ловки, стройны и очень красивы» (цит. по: [7, с. 75–76]).

Статус казачества как особого сословия был юридически упразднён советской властью одним из первых своих Декретов «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 ноября 1917 г. Неоднозначное отношение казачества к советской власти привело к их жёсткому противостоянию. «Циркуляр ЦК РКП(б) об отношении к казакам» от 24 января 1919 г. требовал «признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления», допускался «беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью». В процессах раскулачивания и расказачивания многие из казаков были репрессированы, многие эмигрировали за рубеж (Австралия, Аргентина, Китай, Новая Зеландия, Европа (Болгария, Германия, Франция, Чехословакия, Югославия), США, Канада) [8]. В последующий период в Советском Союзе казаки продолжали считаться «непролетарским элементом» и подвергались ограничению в правах. Так, например, запрет служить в рядах Красной армии был снят лишь в 1936 г., когда были сформированы Донская, Кубанская и Терская казачьи кавалерийские дивизии, отлично проявившие себя в Великой Отечественной войне (но после окончания войны их расформировали). На остальное казачество на долгие годы пала тень забвения. Это подтверждают данные наших этносоциологических опросов и этнографических исследований 1980–1990-х гг. Среди населения Западной Сибири только 32 % респондентов назвали казаков в качестве субэтнической группы русского этноса. Причём чаще всего назывались казаки кубанские, за ними следовали донские и запорожские. Про сибирское казачество очень многие даже ничего не слышали.

В силу ряда причин историко-культурное наследие сибирского казачества изучено крайне недостаточно. Советские сибиреведы касались отдельных аспектов его истории и культуры, как правило, попутно в связи

с разработкой других тем [9, с. 103]. Только в 1960–1970-е гг. появились первые публикации отечественных историков, посвящённые сибирским казакам (Н. Г. Аполлова, М. М. Громько, Н. В. Горбань, А. И. Долгих, А. Р. Ивонин, Н. А. Миненко, Н. И. Никитин, В. И. Петров, А. Т. Топчий, Н. А. Хвостов и др.). В последующие десятилетия активно разрабатываются различные вопросы истории Сибирского казачьего войска (С. М. Андреев, Н. Г. Аполлова, А. С. Зуев, В. В. Исаев, Д. В. Колупаев, А. А. Малолетко, А. В. Матвеев, Ю. Г. Недбай, Р. Г. Скрынников, С. В. Шевченко, В. А. Шульдяков и др.). Культурное наследие казаков Сибири исследуется этнографами, фольклористами, культурологами, музыковедами, педагогами, юристами и др. (Ю. В. Аргудяева, Е. Я. Аркин, Е. М. Бородина, В. Н. Евсеев, Г. Г. Ермак, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова, Н. И. Кашина, А. И. Коваленко, А. А. Лебедева, В. А. Липинская, М. Н. Мельников, П. Е. Петров, А. В. Сафьянова, В. И. Степанченко, С. М. Толмачев, И. Г. Чумаков, Л. Е. Элиасов и др.).

Отдельно следует остановиться на освещении заявленной тематики в Казахстане. Это представляет особый интерес, поскольку после распада Советского Союза часть потомственных сибирских казаков оказалась на территории другого государства. Феномен казачества привлекал внимание многих казахских историков, а также лингвистов, фольклористов, искусствоведов (М. Ж. Абдиров, Н. В. Алексеенко, М. М. Багизбаева, Е. Б. Бекмаханов, Н. Е. Бекмаханова, Г. С. Власова, А. С. Елагин, Ж. Касымбаев, М. К. Козыбаев, И. Н. Князева, Е. Д. Плеханова, А. Д. Цветкова и др.). В зависимости от авторской позиции и времени исследования вопросы истории и культуры, а также места и роли казачества Казахстана освещаются с различных точек зрения. Можно говорить о «сложившейся традиции казахстанской историографии считать казачество вначале исконно тюркским явлением, трансформировавшимся затем в ходе вековой славянской колонизации юга и юга-востока в русское казачество» [10, с. 142].

Начальной точкой в возрождении современного общественного интереса к истории и культуре казачества следует считать

1980–1990-е гг. Они ознаменовались проведением целого ряда научных и научно-практических конференций, появлением новых общественных объединений и фондов, периодических печатных изданий, научно-исследовательских и публицистических работ. Возрождение казачества началось по всей России – от Дальнего Востока, Забайкалья до Урала и Кубани – и приняло организационные формы, когда появились соответствующие нормативно-правовые акты: Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества» (1991 г.), Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. «О реабилитации казачества», Постановление Правительства РФ от 22 апреля 1994 г. «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», Федеральный закон РФ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях», Федеральный закон РФ от 5 декабря 2005 г. и др. В «Основных положениях концепции государственной политики по отношению к казачеству» от 22 апреля 1994 г. были определены следующие виды и формы государственной службы казачества: служба в Вооружённых силах Российской Федерации; служба по охране государственной границы; таможенная служба; служба в оперативных частях Внутренних войск МВД России; служба по охране общественного порядка; охранная служба по сопровождению грузов и объектов государственного и важного народно-хозяйственного значения; егерская и иная природоохранная служба.

В начале XXI в. казачья тематика становится всё более актуальной. Проблемы происхождения казачества, его социального статуса и функций, национально-культурной идентичности, этимологии и современного толкования самого слова «казак» активно обсуждаются учёными различных специальностей (военными, историками, философами, социологами, юристами, экономистами, политологами, культурологами, психологами и др.) [11; 12; 13; 14; 15]. Несмотря на целый ряд принятых нормативно-правовых актов, ситуация с казачеством прояснилась слабо.

Законодательно было утверждено следующее довольно расплывчатое определение: «Российское казачество – граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ» [16]. Анализ вышедшей в 2000-е гг. научной и научно-популярной литературы, посвящённой казачеству, заслуживает самостоятельного исследования. Среди последних публикаций отметим несколько, включая монографические подарочные издания. В 2011 г. вышел очередной выпуск альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвящённый Сибирскому казачьему войску [17]. Это прекрасно изданная и богато иллюстрированная книга из 596 страниц с тиражом 5 000 экземпляров. Жаль, что в ней не нашлось места ни для одной статьи по казачьей культуре. Отдельные аспекты традиционно-бытовой культуры сибирского казачества были представлены в сборнике научных статей, опубликованных в этом же году в Омске [18]. В 2012 г. также в Омске было издано подарочное издание, посвящённое 430-летию Сибирского казачьего войска. Оно было названо «первой энциклопедией сибирского казачества», поскольку освещало не только основные вехи его истории, но и специфику культуры и современное состояние казачьих обществ [19].

Из исторических источников известно, что сибирское казачество характеризовалось неоднородностью этнического, конфессионального и социального состава: в него верстались донские, запорожские, кубанские, оренбургские, забайкальские и другие казаки; крестьяне из различных губерний Европейской России, Урала и Сибири; повстанцы с Дона, польские конфедераты, пленные наполеоновской армии, обращённые в христианскую веру татары, киргиз-кайсаки, чувашаи, мордва и другие народы. Но ядро его составляли восточнославянские православные народы, среди которых доминировали русские [20, с. 37, 54]. Для казачества Сибири браки с людьми различных национальностей являлись обычным делом. Согласно данным наших этносоциологических опросов, проведённых в 2000-е гг., в семьях 91 % опрошенных сибирских казаков имелись родственники других национальностей (среди них встречаются не только представители многочисленных этнических групп, населяющих территорию Сибири и Северного Казахстана,

но и цыгане, черкесы, лезгины, турки и многие другие). Вот характерное высказывание родовой сибирской казачки Т. Ф. Галайбы из с. Прииртышского Железинского района Павлодарской области Республики Казахстан: «Я в нациях не разбираюсь, лишь бы душа да человек был хороший». Для казаков (в целом) было присуще толерантное отношение к людям различных национальностей и вероисповеданий, определяющую роль в отношениях играли личностно-психологические характеристики. Нередко среди современных потомков сибирских казаков можно встретить самоопределение «метис» (так называют себя люди, родившиеся в национально-смешанных браках, например казахско-русских, украинско-татарских и др.). Некоторые исследователи даже склонны выделять казаков в отдельный этнос, самостоятельную народность, «четвёртую ветвь восточного славянства» или даже «особую нацию смешанного тюрко-славянского происхождения». Существует и такая точка зрения, согласно которой «казак не национальность, а особое состояние духа».

Чтобы лучше понять специфику сибирского казачества, обратимся к анализу основных **черт его традиционно-бытовой культуры** начала XX в. Территория проживания сибирского казачества была обширной: от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге. Столицей Сибирского казачьего войска исторически являлся Омск. По территории современной Омской области проходили три укрепённых линии Сибирского казачьего войска. Первой была Иртышская (от Омской крепости по правому берегу Иртыша через Ачаирский и Черлакский форпосты, Большой Атмас, Татарку и Железинскую крепость до Семипалатинска и Усть-Каменогорска). С 1740-х гг. было начато строительство Ишимской линии (от Омской крепости на север, затем на запад до Коркиной слободы (Ишима)). В 1750-х гг. была построена Новая (Новоишимская, Пресногорьковская, Горькая) укрепённая линия, которая проходила от Омска на запад вдоль горько-солёных Камышловских озёр (крепость Покровская, редут Волчий, крепость Николаевская, крепость Лебяжья). Вдоль укрепённых линий основывались казачьи станицы. «Казачество – универсальный ресурс имперского государства.

С одной стороны, это воины, причём хорошо подготовленные для ведения боевых действий в степи, с другой – землевладельцы и скотоводы. Начиная с 20-х гг. XIX в. в глубине казахской степи они создавали новые центры, вокруг которых оседало шедшее за ними вслед разночинное население и структурировалось социальное пространство. Казаки сами вели хозяйство и служили мирным хлебопашцам щитом от нападений и баранты (увода скота)... До революции в казаках видели людей, способных нести цивилизаторскую миссию...» [21, с. 74–75].

Воинская служба являлась для казака главной задачей, которой подчинялась вся его жизнь. Об этом свидетельствовала и старинная пословица: «Для того казак родится, чтобы царю на службе пригодиться». За подготовку и несение воинской службы отвечала казачья община (станция). Накануне призыва на площади проходили учения. Под руководством опытных казаков и офицеров новобранцы обучались боевому искусству, джигитовке, владению саблей (шашкой), конному бою, военным командам. Казакам были присущи особое воинское мастерство и боевой дух, молодецкая удаля, демократизм, безудержная слава, находчивость и решительность, мужество и стойкость, оптимизм,

выносливость и вера в свои силы (рис. 1, 2). Казачья мудрость гласила: «Бить врага, пока стоишь!» Казаки могли годами служить без жалования, рисковать жизнью, отправляясь малыми отрядами в неведомые земли, умирать от голода, чтобы подвести под государствену руку новые народы и замирить их [22, с. 9]. Казаки уходили служить с полным обмундированием, вооружением – «при полной амуниции» – и на своём строевом коне. «Без коня казак – не казак», – говорили в станицах, поскольку в бою они сливались в единое целое. Если во время службы конь погибал, то государство выдавало вместо него другого. Снаряжая сына, родители продавали последнее, чтобы его обмундирование было не хуже, чем у других. Материал для пошива форменной одежды выдавало государство, а шил её местный портной. Для новобранца готовили также конскую упряжь (сбрую), плетль, подковы, шашку, две пары сменного белья, сумку, кружку, ложку и провиант до места следования. Если семья была бедная, то казак-призывник устраивался к кому-нибудь на работу или сдавал в аренду свой пай земли, чтобы на вырученные деньги купить себе всё необходимое. В отдельных случаях бедному призывнику всё собиралось и покупалось сообща «обществом».

Рис. 1. Сибирский казак А. С. Емельянов
Начало XX в. Из фондов МАЭ ОмГУ

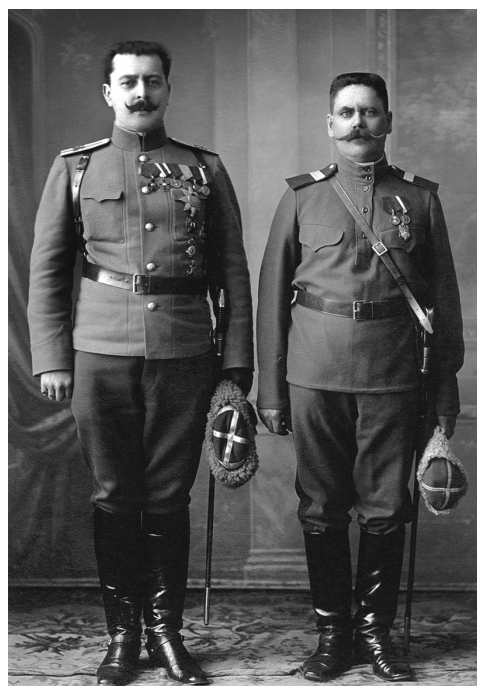

Рис. 2. Есаул Б. Шестаков и вахмистр И. Березовский
1916 г. Из фондов ОГИК музея

Кроме воинской на сибирских казаков также возлагались почтовая и ямская службы, постройка и охрана дорог и крепостей, сопровождение торговых караванов и арестантов, сбор ясака (дани), охрана частных золотых приисков, заготовка леса. Хозяйственная деятельность также отличалась многообразием: животноводство, рыболовство, охота, земледелие и др. Казаки разводили лошадей, крупный рогатый скот, реже свиней, овец, коз; из домашней птицы – кур, уток, гусей, индеек. Выращивали зерновые культуры, а также капусту, картофель, огурцы, редьку, свёклу, репу, брюкву, морковь, лук, чеснок, горох, бобы, арбузы, дыни, мак, подсолнечник, лён, коноплю. Вполне доход-

ными и распространёнными являлись пчеловодство и табаководство. Домашние промыслы у сибирского казачества не получили особого распространения, так как всё необходимое казаки могли купить на ярмарках, базарах, в лавках. Тем не менее многие казачки занимались прядением и ткачеством, а также шитьём, вышивкой и вязанием (рис. 3). Большую роль в казачьем хозяйстве имела торговля.

По вероисповеданию подавляющее большинство сибирского казачества являлись православными. Спецификой сибирских казаков было наличие «походных церквей», которые называли также «Ермаковыми часовнями», и старообрядческих икон (рис. 4).

Рис. 3. Интерьер казачьей горницы. Реконструкция. 2005 г.

Рис. 4. Литая икона-кладень. Частная коллекция. Середина XIX в., Тара

Считалось, что погибший за правое дело казак попадает в рай. Обычно в центре казачьей станицы располагался православный храм, в котором хранились боевые знамёна. Все важнейшие события начинались с молитвы и благословения. Поскольку сибирские казаки проживали в пограничных территориях, у них широко было распространено двуязычие: наряду с русским употреблялся казахский язык. Идентичными были даже сами названия – «казаки».

Важными для казаков являлись понятия патриотизма, чести и преданности Родине, воинскому долгу, личной свободы и независимости. Среди заповедей сибирского казачества особо выделяется следующая триада: «Казакom нужно родиться! Казакom нужно стать! Казакom нужно быть! Тогда обретёшь Царствие небесное и Славу в потомках!» В качестве девиза известен следующий: «Слава Богу, что мы казаки! Всё перетерпеть и победить!» Широко распространена поговорка: «Терпи, казак, атаманом будешь!» Среди любимых песен современного русского населения Западной Сибири довольно часто встречаются следующие: «По Дону гуляет казак молодой», «Шёл казак на побывку домой», «Ой, то не вечер», «Ой, при лужку, при лужке», «Ермак» («Ревела буря, дождь шумел»), «Чёрный ворон», «Скакал казак через долину», «Черноглазая казачка», «Не для меня», «Розпрягайте, хлопці, коні», «Любо, братцы, любо!» – и другие образцы традиционного казачьего фольклора, в котором нашли отражение менталитет и традиции казачьей культуры.

Значимым событием не только в семейной, но и в общественной жизни являлось вступление в брак: только женившись, казак получал устойчивое положение в семье и становился полноправным членом общества. Жена у казаков именовалась «начальником тыла», поскольку за время долгого отсутствия мужа самостоятельно решала все возникающие проблемы и успешно управлялась с хозяйством. Свадьбы обычно играли по взаимной договорённости между родителями. Семьи были крепкими, многодетными (у некоторых было по 10–20 детей), разводов практически не было [23].

Типы поселений сибирских казаков были различными: крепости, форпосты, редуты,

станции. Располагались они в стратегически выгодных местах: вдоль рек и по берегам озёр, у трактовых дорог. Жилища, в зависимости от географического положения, существенно отличались планировкой, размерами, строительным материалом. Но всегда их украшали оружием и конской сбруей, иконами и портретами членов царской семьи. Особое отношение у казаков было к холодному оружию. Будучи семейной реликвией, шашка передавалась по наследству, именовалась «боевой подругой». Часто на ножнах писали: «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай!» Наряду с шашкой почиталась воинская форма. У всех мужчин призывного возраста имелось обмундирование с красными лампасами, которое надевали в воскресные и праздничные дни, а также на свадьбу. Мужчин хоронили с воинскими почестями, в обмундировании. Сибирские казаки, в отличие от окружающих крестьян, довольно рано стали использовать покупные ткани и городские формы одежды: пиджаки, брюки, жилеты. Казачки носили юбки, кофты, платья, реже сарафаны. Их головы украшали шамшурки, наколки, фэйшонки, кашемировые платки и шали. Широко распространена была кожаная обувь.

Основой питания сибирских казаков являлись продукты земледелия и животноводства, а также рыболовства и охоты. Ели обычно 4 раза в день (завтрак, обед, паужин, ужин). Готовили мясные, овощные и крупяные супы, уху, плов, студень (мясной или рыбный), жаркое, различные каши. Варили пельмени, вареники, галушки, картошку; жарили мясо, грибы, рыбу. Свиное сало солили и коптили; мясо и рыбу солили, сушили, коптили и вялили, также квасили капусту, солили огурцы, арбузы, дыни, грузди. Из напитков употреблялось молоко, свекольный и хлебный квас, кисель, компот (узвар), чай, кумыс. Чай употребляли обычно вприкуску с сахаром, мёдом, изюмом, конфетами, булочками, пирогами и шаньгами, вафлями, блинами, оладьями. Из пирогов любимыми среди сибирских казаков являлись рыбные. Для праздничного стола характерно было обилие мясных блюд, в том числе цельных запечённых тушек поросят, гусей, уток, куриц.

Военизированный быт способствовал появлению специфичных элементов в куль-

туре сибирского казачества: конные парады и скачки, джигитовка и военно-спортивные состязания, своеобразие в воспитании детей (особенно мальчиков), наличие образцов особого «казачьего фольклора» (исполняемого исключительно мужчинами), использование форменной одежды и шашки в качестве семейной реликвии, допустимое участие мужчин в родильно-крестильной обрядности, сопровождение важнейших обрядов ружейными выстрелами, напутственные и поздравительные речи атамана при проведении важнейших общественных и семейных праздников и обрядов и др. В традиционной культуре сибирского казачества встречаются украинские, белорусские, казахские, татарские, немецкие, польские и другие элементы. Этнокультурное влияние народов Приуралья, Сибири и Средней Азии прослеживается в одежде (халаты, чембары, малахаи, ичиги и др.) и пище (пельмени, баурсаки, манты, плов, кумыс и пр.). Наибольшее количество взаимовлияний и этнокультурных параллелей обнаруживается у сибирских казаков с казахами [24]. Таким образом, своеобразие культуры сибирского казачества является результатом прямого взаимодействия европейских и азиатских культур.

Кто же такие казаки в современной России? Данные Всероссийской переписи насе-

ления 2002 г. зафиксировали факт самоопределения казаков в качестве отдельной национальности (более 140 тыс. человек назвали себя казаками). Интересно, что подобные варианты такого национального самоопределения встретились практически во всех административно-территориальных единицах Западной и Восточной Сибири. И это не случайно, поскольку казачество сыграло выдающуюся роль в культурно-хозяйственном освоении сибирского региона. Современные сибирские казаки чаще всего определяют себя русскими, а также казаками и сибирскими казаками. Встречаются среди них потомки Кубанского, Донского, Запорожского, Уральского, Оренбургского, Забайкальского, Терского, Енисейского и других казачеств (рис. 5). Среди вариантов первичной самоидентификации (ответы на вопрос: «Кем Вы себя считаете прежде всего?») встречаются следующие: мужчина (настоящий мужчина), воин, россиянин, патриот, вольный казак, атаман, хорунжий, есаул, чалдон, сибиряк и др.

При анализе полученных в 2000-е гг. материалов выяснилось, что существующие авто- и гетеростереотипы казачества существенно различаются. Так, согласно мнению самих казаков, характерными чертами для них являются смелость, воля, патриотизм,

Рис. 5. Участники праздника «Вольница» 2010 г., Омск

сила, храбрость, мужественность, удаля, смекалка, любвеобильность. По мнению окружающего населения, казаки чаще всего своевольные, гордые, непокорные, упрямые, драчливые, задиристые, бесшабашные, «безбашенные», «много пьющие» и «гулящие». Довольно неоднозначно и противоречиво в современном российском обществе и отношении к возрождению казачества: от уважения и восхищения до полного презрения и отрицания. Тем не менее большинство бытующих стереотипов о казаках являются положительными. Так, у населения Западной Сибири при слове «казак» чаще всего возникают следующие ассоциации: воин, войско, конь (кони, лошади), настоящий мужчина, патриот, свобода, воля (вольница), шашка (сабля), атаман, Дон (и «Тихий Дон»), Тарас Бульба, граница, защитник, георгиевский кавалер. Также отмечаются особенности внешнего вида и одежды казаков: усы, чуб, шаровары, лампасы, папаха, кубанка, военная форма. В ответах многих респондентов подчёркивалась разница между бывшими и современными казаками. Раньше казаками считались «вольные люди на лошадях с саблями», «служилые люди, защитники Отечества», «люди, охраняющие границы России при царях», «вольные люди, кочующие по

просторам нашей Родины», «люди слова и чести, почитающие своего атамана», «дружный народ», а сейчас – «не знаю, кого можно отнести к казакам», «настоящих сейчас нет», «неопределённая категория, существующая только в сознании», «их век прошёл, сейчас это что-то балаганно-вычурное», «ряженные самозванцы» и т. д.

Для иллюстрации противоречивого отношения к современному казачеству приведу два недавних примера. Омск, раннее утро 24 февраля 2016 г. По дороге на остановку общественного транспорта внимание привлёк мужчина средних лет, попросив денег на проезд до дома. Запах перегара не располагал к общению, но форменная одежда с шевроном Сибирского казачьего войска заставила меня остановиться. Я достала кошелек и поинтересовалась: «Из каких казаков будете?» «Из наших», – последовал ответ. При уточняющих вопросах выяснилось, что вступил в ряды казачества недавно, чтобы устроиться на службу охранником. О традициях казачьих понятий не имеет, на мой вопрос: «А кто у Вас атаман?» – ответил: «Путин, наверное».

Второй пример. С 9-го по 31 августа 2016 г. казачий струг «Атаман Ермак – Князь Сибирский» (рис. 6) со святынями (иконой

Рис. 6. Встреча казачьего струга «Ермак» 2016 г., Тевриз

Рис. 7. Икона Пресвятой Богородицы «Троеручица»
2016 г., Вятка

Пресвятой Богородицы «Троеручица» из сербского монастыря «Рукумия» (рис. 7), иконой преподобного Сергия Радонежского с частицей его святых мощей со Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, иконой новомученика святителя Сильвестра Омского с частицей его мощей из Кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы г. Омска) прошли 1 800 км по Иртышу и посетили 21 приход Тарской епархии, где совершались службы, молебны, крестные ходы, встречи с местным населением. Крестный ход возглавляли оренбургские казаки Межрегиональной общественной организации «За Святую Русь», которые провели более 30 встреч с населением северных районов Омской области в музеях, библиотеках, больницах, тюрьмах. В 88 отдалённых селениях местные жители имели возможность поклониться святыням и познакомиться с этнокультурными особенностями славян. С 7-го по 26 сентября 2016 г. казачий крестный ход продолжился на автомобиле (около 4 000 км) и посетил 67 приходов Тарской епархии. Командир конвоя иконы Пресвятой Богородицы «Троеручица» (г. Новий Сад, Сербия) Миодраг Баич смысл своей миссии объясняет так: «Мы идём крестным ходом по России и по госу-

дарствам, которые когда-то были частями России и молимся Пресвятой Богородице Троеручице, чтобы она соединила с Россией её оторванные части, как когда-то присоединила отсечённую руку Иоанну Дамаскину». Когда я спросила его, как сербский парень стал российским казаком, он поведал мне такую историю. В Сербию приехал ансамбль казачьей песни «Лад» из Новосибирска. На концерте ему понравилась красивая девушка, он приехал за нею в Сибирь, узнал, что она из казачьего рода, сам вступил в казачество, женился, выучил русский язык, изучает историю и культуру казачества. Также он сказал, что его миссия и в том, чтобы доказать неверность многих бытующих стереотипов: «Настоящий казак – это прежде всего мужчина, воин и патриот. Для меня Сибирь стала второй Родиной. Я горжусь тем, что я казак!» После общения с этим сильным и красивым человеком многие парни задумались о вступлении в казачество.

В заключение отметим следующее. Современное сибирское казачество отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, различными историческими, социально-экономическими, природно-географиче-

скими и этнокультурными факторами. Процесс его возрождения протекает довольно неоднозначно, характеризуется значительным расколом на общественное и реестровое общества, а также поисками новых функциональных ролей и форм национально-культурного и социального самоопределения. В настоящее время сибирское казачество представлено в Сибирском войсковом казачьем обществе (государственный реестр, атаман Г. Н. Привалов) и Международной общественной организации «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» (атаман С. М. Толмачёв), входящей в Общероссийскую общественную организацию «Союз казаков России». Среди них встречаются как родовые казаки, знающие свою родословную до 5–8 колена, так и недавно вступившие в казачество люди (в силу различных причин), как потомки первых казаков и землепроходцев, пришедших в Сибирь с Ермаком, С. И. Дежнёвым, Е. П. Хабаровым и другими, так и представители других казачьих войск России.

Недостаточная изученность сибирского казачества, нехватка бесспорных доказательств и необходимого количества репрезентативных источников (как по раннему, так и дальнейшим периодам казачьей истории), зачастую излишняя политизированность и мифологизированность привели к обилию различных гипотез и существенно осложняют современное осмысление феномена казачества. Основной насущной проблемой является отсутствие закона о казачестве, который бы чётко определил его статус, положение и функции. Развернувшееся движение за возрождение казачества в настоящее время занимает промежуточное положение между государством и гражданским обществом [25]. Одна из основных проблем, стоящих перед исследователями специфики сибирского казачества – это сочетание этнических, социальных, конфессиональных характеристик с разнообразием природно-географических условий их проживания и, соответственно, вариативностью традиционно-бытовой культуры. Неоднородность социального, этнического и конфессионального состава, большая территориальная разбросанность, разобщённость источников, материалов, исследований российских и зарубеж-

ных учёных, недостаток конкретной информации вызывают существенные трудности в изучении заявленной проблематики. Для дальнейшей разработки этой тематики необходимо проведение комплексных работ по собиранию, изучению и пропаганде историко-культурного наследия российского казачества. Автор глубоко убеждён, что не зная и не понимая саму природу казачества, его историю, специфику самосознания и культуры, вряд ли можно стать настоящим казаком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. – 1977. – № 1. – С. 3–18.
2. История казачества Азиатской России. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – Т. 1. – 316 с.
3. Белецкая Е. М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. – Тверь : Золотая буква, 2004. – 252 с.
4. Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. – СПб., 1908. – 76 с.
5. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М. ; Новосибирск : Наука, 2000. – 768 с.
6. Университет Arzamas. Что французы думали о казаках. – URL: <http://arzamas.academy/materials/830> (дата обращения: 28.09.2016).
7. Степанченко В. И. Казачьему роду нет переводу! Очерки истории казачества. – СПб. : Типография «Правда», 2001. – 224 с.
8. Таболина Т. В., Кокунько Г. В. Казаки зарубежья. – М. : Вольное Дело, 2008. – 288 с.
9. Матвеев О. В., Жигунова М. А. Из истории изучения фольклора и этнографии казачеств России // Очерки традиционной культуры казачеств России. – М. ; Краснодар : Типография ГУП «Кубанькино», 2002. – Т. 1. – С. 99–109.
10. Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. – Алматы : Казахстан, 1994. – 160 с.
11. Жигунова М. А. Казачество Сибири и Северного Казахстана: проблема идентификации // Мир казачества : сборник научных трудов. – Вып. 2. – Краснодар : ООО «РИЦ “Мир Кубани”», 2007. – С. 111–122.
12. Никитин В. Ф. Казачество: нация или сословие? – М. : Яуза : Эксмо, 2007. – 433 с.
13. Лысенко Н. Н. Нация или субэтнос? Размышления об этногенетической природе казачества // Вопросы национализма. – 2012. – № 11. – С. 111–134.
14. Сопов А. В. Динамика социально-политического статуса казачества : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2012. – 68 с.
15. Степанченко В. И. Говорим, гутарим, балакаем и применяем!.. : в 2 ч. – СПб. : Медиа Групп : ИПК «КОСТА», 2009–2010. – Ч. I. Словник. –

2009. – 176 с. ; Ч. II. Нормативные правовые акты. – 2010. – 464 с.
16. О государственной службе российского казачества : федеральный закон РФ от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ // Фонд поддержки казачьих традиций «Казачья диаспора». – URL: <http://kazachiya-diaspora.com/news/416> (дата обращения: 25.09.2016).
 17. Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско : альманах. – № 14. – Тобольск ; Верона : Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – 596 с.
 18. Сибирское казачество: история и современность : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Жигуновой, Н. А. Томилова. – Омск : Издательский дом «Наука», 2011. – 254 с.
 19. Сибирское казачество – Отечества служилая рать : сб. науч. ст. и материалов, посвящённых 430-летию сибирского казачества / под ред. М. А. Жигуновой, Г. Н. Привалова. – Омск : Полиграфический центр «КАН», 2012. – 192 с.
 20. *Андреев С. М.* Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). – Омск : Омская академия МВД России, 2006. – 259 с.
 21. Казак предполагает... (Интервью с С. М. Андреевым) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2007. – № 3. – С. 74–75.
 22. *Елфимов А.* Слава наша вечна будет // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. – С. 9–24.
 23. *Жигунова М. А.* Обряды жизненного цикла сибирских казаков // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 1 (15). – С. 83–94.
 24. *Жигунова М. А., Реммлер В. В.* Сибирские казаки и казахи на этнокультурном фронтире // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сборник научных трудов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 207–210.
 25. *Озеров А. А.* Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Ростов н/Д., 2006. – С. 3.